

О бюрократизации и коррупции в отечественном образовании

Георгий Леонидович Ильин,

профессор МПГУ, МГГУ, доктор педагогических наук

• бюрократизация • коррупция в образовании • платные образовательные услуги • репетиторство • падение качества образования •

Бюрократизация и коррупция — слова, ставшие привычными в современном обществе и в одной из его сфер — образовании. В одной из статей, озаглавленной весьма характерно — «Школа коррупции», приводятся такие данные: «Цена взятки за ЕГЭ в 2006 году поднялась в столице до 120 тысяч рублей, в регионах до 25 тысяч рублей, и продолжала расти на протяжении последующих пяти лет. Некоторый ценовой спад произошёл в 2011 году: «купить» ЕГЭ в столице стоило 50–70 тысяч рублей, в регионах РФ 8–20 тысяч рублей. Эксперты предполагают, что произошло насыщение рынка услугами: предложений стало больше, а спрос не растёт» (Public.Ru).

Речь идёт об одном из «новообразований» последних десятилетий — едином государственном экзамене, а сколько их, вызванных бюрократическими изменениями, возникло ещё! Все они были порождены благими намерениями, но их воплощение, порой, вызывало оторопь или негодование. Немалую роль в возникновении этих чувств играли бюрократизация и коррупция. Попробуем разобраться, что означают эти понятия и какова их роль в жизни современного общества и образования, как его социальной функции.

Слово «бюрократия» означает «власть стола», то есть власть чиновника, сидящего или стоящего за столом (бюро) и решающего или только сопровождающего решение вопросов посетителей, оформляющего необходимые документы. Это этимология слова, исходное значение, объясняющее

его латинское происхождение — бюрократия. Но по существу, эта фигура социальной жизни известна со времён шумерских и вавилонских царей или египетских фараонов под именем писцов с их глиняными табличками или папирусами для ведения записей об актах общественной жизни. Сколь важна и почитаема была в древности эта фигура, явствует из дошедшего до наших дней древнеегипетского текста «Поучение Ахтоя», известного всем гимназистам начала прошлого века. В нём показывается преимущество профессии писца перед прочими ремёслами, которое заключалось в умении читать, считать и писать, разумеется, по указанию начальства или в соответствии с ним. При этом само начальство могло не владеть грамотой, а то и знанием дела, поэтому вся ответственность ложилась на писцов, которые и пользовались ею в меру своего разума, породив то, что ныне называется коррупцией.

Коррúпция (от лат. *corrumpere* — «растлевать») — термин, в современном понимании обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и общепринятым моральным установкам, т.е. взяточничество. Как правило, совершается негласно. Наиболее часто этот термин применяется по отношению к бюрократическому аппарату и политической элите. Коррупция является крупнейшим препятствием к экономическому росту и развитию страны, способным поставить

под угрозу любые преобразования, как это и наблюдается в современной России.

От коррупции, как производной бюрократии, страдали все страны и государства всех времён. Достаточно вспомнить отечественную историю, относящуюся к периоду первого строительства государства западного типа, — анекдот о разговоре Петра I с обер-прокурором Ягужинским, когда на требование царя повесить всех виноватых в казнокрадстве, он ответил, что на всех не хватит верёвок. Дерзкий ответ вразумил царя и, вместе с тем, показал размеры общественной язвы, которая с тех пор лишь разрасталась (литературный пример тому — «Ревизор» Н. Гоголя или «Дело» А. Сухово-Кобылина) — по мере роста бюрократии росла коррупция. Бюрократия или чиновничество, как и коррупция, средство личного обогащения (взяточничество, мздоимство, вымогательство), была «плоть от плоти» государства.

О необходимости бороться с бюрократией говорили с первых лет советской власти, также создававшей новый тип государства, а стало быть, и бюрократии. Но к тому времени появилась теория «научной организации труда» (Тейлор, Вебер, Файоль), основанная на работе «бюро», в свете которой стало важно различать «плохую» бюрократию и «хорошую» (вспомните Политбюро ЦК КПСС). «Плохая» связывалась с волокитой, рутинной, бездушным отношением к людям. «Хорошая» означала рационализацию делопроизводства, деятельность сотрудников и страны в целом. «Хорошая» бюрократия способствует процветанию организации и государства, «плохая» — их разложению. Напомним высказывание В.И. Ленина, относящееся к 1922 году, когда решался вопрос о строительстве нового государства. В нём говорилось о необходимости работать рационально, налаживать государственный аппарат: — *«Достать литературу надо и немецкую и американскую, собрать всё сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы бюрократической»*. Ясно, что в нём говорилось о «хорошей» бюрократии. Словом, стало очевидно, что бюрократия, как аппарат управления, необходима любому государству, независимо от его политико-экономического строя.

Но в «сталинское время» была создана новая бюрократия, основанная на принципах законности советского государства, которые должны исполняться и исполнялись, несмотря на личное правосознание чиновников или судей, выносящих приговоры. Всё было подчинено идеологии советской государственности, отличавшейся от европейских государств, в частности, отношением к принципу «презумпции невиновности», известному со времён Хаммурапи.

Это отличающее обстоятельство («презумпция виновности», обоснованная А. Вышинским) в значительной степени способствовало уменьшению коррупции в стране под страхом наказания, вплоть до 60–70 годов. В связи с «оттепелью» и последующим «застоем», когда угроза наказания потеряла свою действенность, наступил период «человеческих отношений» («human relations», в западном понимании) в управлении государством, когда коррупция приобрела своеобразные формы в виде сотрудничества чиновников с «цеховиками», делящимися с правящей властью своими доходами, в обход законов государства.

В наше время смены социального строя и очередного поиска формы государственности, старая бюрократия советских времён сменилась более хищной и жадной, от высших чиновников до мелких исполнителей поручений, почувствовавших невиданные возможности обогащения. Отсутствие законодательства, соответствующего новой социальной реальности, наряду с политическим лозунгом «что не запрещено, то разрешено», породило гигантские спекуляции и махинации в экономической сфере, способствовало небывалому росту коррупции. Вместо «цеховиков» возникли «олигархи», с их чиновничьими «крышами», также понуждаемые делиться с властью в обход государства. А стремление упорядочить процесс управления страной, выраженное в построении «управляемой» или «суверенной демократии», «вертикали власти» и «ручного управления», привело к дальнейшему росту бюрократии, несмотря на постоянные заклинания верховной власти о её сокращении и ужесточении борьбы с коррупцией.

Судя по СМИ, коррупция достигла небывалых размеров под прикрытием всё той же

бюрократии, когда все сделки совершались при посредничестве того или иного чиновника, дающего разрешение на их проведение. При этом неразработанность законодательства при смене экономических формаций («плановой» и «рыночной») позволяла чиновникам своеобразно толковать существующие законы или игнорировать их при решении возникающих вопросов.

Вот уж когда стали актуальными старинные изречения, вроде «закон, что дышло, куда повернёшь, туда и вышло», отражающие возможность толкования законов, указов и постановлений в ту или иную сторону. Другое высказывание, не менее выразительное, «на чём сидишь, тем и кормишься», выражает возможность получения доходов с должности, какой бы она ни была, от пастуха до прокурора, помимо зарплаты, как бы велика она ни была. Наконец, можно привести ещё одну поговорку советских времён: «ты здесь хозяин, а не гость, тащи отсюда всякий гвоздь» (имеются в виду так называемые несуну, мелкие расхитители государственной собственности), которая отразила настроения народа непосредственно перед «перестройкой» и явилась предпосылкой будущего разграбления страны в гигантских масштабах.

В коррупции оказывались замешаны все ветви власти — и законодательная, и исполнительная, и судебная. Первая, потому что не принимала нужных законов, которых требовала большая или «здоровая» часть общества, вследствие лоббистских, т.е. коррупционных влияний. Вторая, потому что покрывала или не принимала к рассмотрению «до особого указания» крупные экономические преступления, исчисляемые тысячами, миллионами и даже миллиардами долларов, ограничиваясь мелкими или уголовными правонарушениями. Третья, потому что зачастую прокуратура оказывалась «крышей» для правонарушений в системе исполнительной власти и более того участвовала в их организации. И чем стремительнее происходило разложение ветвей власти, тем более привлекательны и многочисленны становились персонажи на экранах телевизоров, отражающие «доблестную работу» служб этих властей. Впрочем, это отдельная тема власти и «кривого зеркала» искусства.

* * *

Не избежала этих процессов и сфера образования. С начала 90-х годов «рыночная» экономика привела к появлению платных образовательных услуг, как в вузах, так и в школах и детских садах, что породило множество образовательных учреждений, стремящихся оказывать такие услуги. Процесс начался в сфере высшего образования, и особенно в социально-гуманитарной сфере, но постепенно охватил все звенья образовательной системы страны. Всё это было связано с переходом к так называемому сервисному обществу, как ещё называют общество с рыночной экономикой. Напомним, что на «Западе» под «сервисом» понимается банковское дело (клиенты), транспортное обслуживание (пассажиры), торговля (покупатели), услуги, связанные с бытовой техникой (клиенты) и медициной (пациенты), бесприбыльная экономическая деятельность, все потребительские услуги и услуги, связанные с государственным, муниципальным, местным управлением (посетители), включая судебную защиту и судопроизводство (граждане), то есть виды деятельности, обслуживающей многоликого потребителя. Западное общество называют также «потребительским», поскольку всё производится в соответствии с потребностями и желаниями того или иного потребителя, а не производителя.

Платные услуги появились не на пустом месте — изменилась политика государства в области образования, федеральное финансирование сменилось региональным и муниципальным, что неизбежно привело не только к его снижению, но и к ухудшению состояния образования в стране, особенно в дотационных регионах. При этом уменьшение федерального финансирования образования во всех его звеньях — от дошкольного до послевузовского — было «идеей фикс» министерства образования последнего десятилетия, аналогичной известному изречению «И всё-таки Карфаген должен быть разрушен!». Под Карфагеном имеется в виду традиционная система образования.

Суть идеи — в переносе тяжести образовательных услуг с государства на потребителей — учащихся и их родителей во всех

звеньях образовательной системы, без учёта их готовности к этому действию. С этой идеей связано, например, и уменьшение бюджетного финансирования школ и вузов, и «замораживание» стипендий и зарплат преподавателей вузов, и разрешение на совместительство в разных учебных учреждениях, и «великодушное» разрешение президента Медведева о сочетании учёбы с работой учащихся — практики, в действительности, давно устоявшейся в высшем образовании, но не способствовавшей качеству образования ни в заочной, ни в вечерней, ни в очной форме.

Снижению федерального бюджетного финансирования сопутствовали демографический спад и уменьшение населения страны, в результате распада Советского Союза, сопровождавшийся экономическими кризисами. Переход государства от социалистического принципа «всем сёстрам по серьгам» к рыночному принципу «этому дала, а этому не дала...» породил соперничество между учебными учреждениями. Школы были вынуждены бороться за учащихся в силу введённого «подушевого распределения» бюджетных средств — чем больше в школе учащихся, тем большие средства она получает. Это не могло не привести к дифференциации школ на «цветущие» и «худосочные». Статус первых имели шанс получить некоторые городские школы, остальные (сельские и поселковые) были обречены на вымирание.

Вузы же, в условиях демографического провала, т.е. снижения численности учащихся и вместе с тем сокращения бюджетных ассигнований на поступающих, вынуждены были заманивать к себе потенциальных студентов, держаться за всякого, особенно «платного» абитуриента, забредшего к ним на собеседование или просто по ошибке направившего документы, а затем удерживать его у себя на протяжении всего периода обучения, — всё это вело к снижению критериев профессионального отбора.

Даже в социально-гуманитарных и экономических вузах, казалось бы, переживавших лучшие времена (увеличение численности учащихся, благодаря снятию бюджетных ограничений на приём студентов), увеличение числа студентов привело к падению

качества их образования — вузы снижали требования к полученным знаниям для сохранения численности своих учащихся. Но выпускники с такой подготовкой не могли обеспечить эффективное общественное производство. К тому же большинство выпускников вынуждено было искать сферу занятости, далёкую от полученной специальности, используя полученный диплом лишь как свидетельство о высшем образовании, неважно, где и как полученном, но которое всё же котировалось на рынке труда. Падению эффективности общественного производства способствовало снижение выпуска технических специалистов, и особенно «синих воротничков», квалифицированных рабочих, т.е. выпускников с довузовским образованием.

Укрепление «вертикали власти» в образовании сопровождалось, например, решениями о сокращении числа вузов, не отвечающих требованиям организации учебного процесса (уменьшение выдачи лицензий или их продления), а также о одновременном выделении государственных грантов отдельным учителям, преподавателям, школам и университетам. Эти решения в особенности способствовали укреплению власти бюрократии в худшем её виде и увеличению коррупции в школах и вузах. Первое, «лицензионное», было связано с условностью критериев оценки, используемых для решения вопросов о продлении или закрытии лицензии. Правило коррупционно-бюрократическое было достаточно простым — «если хочешь жить — плати». Второе, связанное с грантами, не в меньшей степени определялось условностью критериев отбора кандидатов на гранты. И здесь действовала система «отката» — «за полученный грант отдай его часть», не просто в виде налога государству, тоже немало, а в форме взятки. Получение и выполнение каждого гранта сопровождалось огромным количеством отчётных документов. Неудивительно поэтому отсутствие энтузиазма у кандидатов на гранты и распределение грантов, в основном, среди «проверенных» людей.

Но это было лишь частью бюрократической машины. «Раствление» продолжалось и в самих учебных учреждениях. Даже те средства, которые приходили в учебные учреждения тем или иным образом (дотации, суб-

сидии, гранты и пр.), оседали на административном уровне, не доходя или в ничтожной мере до исполнителей — воспитателей, учителей, преподавателей. Как известно, любой бюрократической организации свойственно стремление к расширению (ироничный, но справедливый «закон Паркинсона»). И чем более громоздкой являлась организация, тем меньшим было влияние исполнителей на верховную администрацию.

К примеру, некоторые московские вузы разбросаны по всему городу, их факультеты территориально разобщены, не имеют информации друг о друге. Общие собрания преподавателей факультетов проводятся разве что по большим праздникам. Финансовая деятельность вузов не освещается. Премии, дополнительные оклады, надбавки, бонусы — всё это оказывается в полном распоряжении администрации, их распределение тщательно скрывается, отсюда колоссальный разрыв в доходах руководителей и исполнителей. Недовольных исполнителей либо увольняют, либо делятся с ними доходами, «крохами с барского стола».

«Растление» (коррупция) коснулось и самих воспитателей, учителей и преподавателей. В условиях снижения зарплаты, в новых социально-экономических условиях, не ощущая поддержки государства, они были вынуждены искать дополнительные источники доходов. Это были и дополнительные ставки, и поборы с учащихся, и репетиторство, и прямое вымогательство за оценки. Правительством в лице министра образования вполне могло заявить по примеру Петра I — «профессия сия воровская и оплате не подлежит». Но не вы ли и довели её до такого состояния?

Поучительна история ЕГЭ, который сдают учащиеся по выходе из школы «во всех городах и весях» РФ и который служит свидетельством их успехов при поступлении, главным образом, в вуз. Он ведёт своё начало вовсе не от тестовых заданий Гальтона и Бине, вовсе не от армейских тестов США, а скорее от императорского Китая, где испытания учащихся — кандидатов на государственную службу — проводились с начала первого тысячелетия н.э. и продолжались до начала XX столетия. В нашей стране ЕГЭ задумывался как объективное

средство борьбы с субъективностью педагогов при оценивании знаний учащихся и как средство повышения качества образования. Оправдал ли он эти надежды?

О качестве образования не будем говорить, о нём уже сказано, ЕГЭ лишь по-своему выявил его и способствовал его падению. Поговорим об объективности. Есть байка про игровой автомат — вы можете выиграть на нём большую сумму за счёт случайного выпадения чисел, но не забывайте, что у него есть хозяин, который контролирует его работу. Так и с ЕГЭ: объективное оценивание — это лишь видимость, оно регулируется невидимым «хозяином», который в действительности оценивает ваши знания, отнюдь не объективно. И это показали многочисленные и теперь уже многолетние нарушения при проведении ЕГЭ. Если раньше был учитель и учащийся, то теперь между ними помещён инструмент оценивания, которым действует и управляет отнюдь не учитель, а организатор процесса оценивания — чиновник, бюрократ. Можно возразить, что чиновник может быть хорошим бюрократом, но скажем на это возражение, что в условиях всеобщей коррупции он будет выглядеть «белой вороной».

Более того, в образовании появляется фигура репетитора, готовящего к поступлению в вуз, т.е. предлагающего свои платные образовательные услуги, фигура, бывшая и ранее, но ставшая особенно необходимой и значимой, ввиду легитимизации платных услуг и снижения качества школьного образования. Да и учитель в школе всё более превращается в человека, не излагающего сведения определённой области знаний, а натаскивающего на ответы по ЕГЭ. Помимо того, что сама процедура ЕГЭ, крайне бюрократическая, начиная с заполнения анкет до сообщения результатов, да и процесс оценивания анонимизируется, становится непрозрачным. Неудивительны сообщения о росте коррупции. «С введением ЕГЭ школьная коррупция выросла в 20–25 раз, обогнав коррупцию вузовскую», к таким выводам пришли эксперты, проанализировав факты из СМИ». (Педсовет.org. 12-й Всероссийский интернет-педсовет).

Напомним различие «плохой» и «хорошей» бюрократии — первая разлагает ор-

ганизацию, вторая способствует её развитию. Вторая свойственна скорее молодым, развивающимся организациям. Первая свидетельствует о деградации образовательных учреждений, особенно, образовательных «монстров», оставшихся после советского периода, но теряющих свою былую эффективность в новых социально-экономических условиях. Нашу нынешнюю образовательную систему следует отнести к разряду плохих бюрократий именно по критерию коррупции. Когда над учебным процессом, происходящим в аудиториях и лабораториях, выстраивается громоздкая система управления, которая не только берёт узаконенную долю доходов от учебного процесса, но и присваивает их большую часть, без ведома большей части участников процесса, — это и есть коррупционная бюрократия в образовании.

Нынешняя бюрократизация сопровождает процесс «окостенения», ритуализации управленческих образовательных структур. Узкая специализация ведёт к потере целостного смысла обучения отдельными представителями образования, не только преподавателей, но и, прежде всего, школьников и студентов. Как форма профессиональной деятельности, учебная деятельность становится всё более канонизированной, определяемой усложняющимися правилами и условиями, особенно в условиях «управляемой демократии» образовательного процесса, означающей увеличение отчётности со стороны администрации учебных учреждений.

Со стороны учащихся, в частности, студентов, соблюдение правил учебной деятельности, написание работ в рамках сложившейся тематики, в рамках правил их оформления становится порой важнее достижения цели самой учебной деятельности, а правильная организация поиска цели работы учащимся — важнее самой цели. Цель, найденная помимо этих правил, подвергается сомнению или отвергается. Более того, поиск цели вне этих правил является незаконным.

Заметим вновь, что не всякая бюрократия является «плохой», но лишь заражённая коррупцией, особенно бюрократия нашей образовательной, да и социальной системы, сверху донизу пронизанная её «мета-

стазами». И самым негативным её признаком является массовость — коррупция стала настолько массовой, что превратилась в составляющую образа жизни, изменить который не в состоянии обилие ни тюрем и лагерей, ни верёвок для наказания виновных. Отрубание рук или даже голов для избавления от коррупции эффективно лишь на первом этапе её развития, когда она носит характер отдельных проявлений. Позднее коррупция обретает авторитетных (и в криминальном, в обычном смысле) покровителей в лице лоббистских групп в правительстве и государственной думе, отношение к ней либерализируется, мол, «кто у бога без греха, у царя без вины». Да и наша судебная власть, как показывает недавний процесс, связанный с закрытием казино, далеко не безупречна, попросту говоря, коррумпирована.

* * *

Но обратимся к пониманию термина «бюрократия». Из статьи, казалось бы, ясно, что к бюрократам могут быть отнесены и египетские, и вавилонские писцы, и китайские письмоводители, и российские приказные дьячки, и столоначальники, и современные отечественные и зарубежные начальники, руководящие не только промышленностью и военными ведомствами, но и научными, медицинскими учреждениями. То есть социальный слой людей, выполняющий определённую общественную функцию, отделённую и даже отчуждённую от интересов и потребностей общества, исполняющий закон или правила, принятые некогда в данной социальной среде. Кто может быть отнесён к этой группе людей? Кто получает эту власть, дающую дополнительный источник дохода, как бы ни оплачивалась эта власть? Для ответа на этот вопрос нам придётся обратиться к теории управления, а именно — к социологии и психологии управления.

Все названные нами исторические фигуры (писцы, дьячки, столоначальники) связаны с государством, а стало быть, необходимостью управления. Управление всегда предполагало организованную деятельность людей, необходимость воздействия на них, причём на всех уровнях — от монарха, государя, президента до завхоза, управдома и тренера спортивной команды. Можно ли

всех их считать бюрократами? Или только тех, кто имеет дело с бумагами, которые заслоняют живого человека, кто мыслит абстрактно, хотя и по правилам, но без учёта реальной обстановки? Или, наконец, это человек, обладающий властью и непосредственно взаимодействующий с посетителем?

Нам кажется, что бюрократия — это вовсе не особое сословие общества, каким его изображают средства массовой информации, а существенное свойство государства, которое не может существовать без бюрократии — людей, следящих за соблюдением и претворением в жизнь общих правил и законов данного государства, людей, составляющих само государство. Бюрократ — это человек, соблюдающий правила, указания и инструкции, безотносительно к конкретной ситуации, в которой они должны применяться. А общие правила и законы пронизывают всю жизнедеятельность людей в государстве, связанную с управлением. Законы могут быть жёсткими или мягкими, справедливыми и несправедливыми, человечными или бесчеловечными в оценке тех или иных словес общества или отдельных людей.

В этом понимании бюрократами являются все люди, относящиеся к управлению, в частности, образовательной системе управления государства — от министра образования до преподавателей вузов, учителей общеобразовательных школ и воспитателей дошкольных учреждений. То есть каждый из участников образовательной системы становится бюрократом, заняв определённую должность. Именно должность делает нас «бюрократами», людьми, которые принимают решения по заранее определённым должностным инструкциям или указаниям, в соответствии с имеющимися сведениями, изложенными устно, на бумаге или в компьютере, независимо, вопреки реальной или не вполне понятной и «нештатной» ситуации. Словом, бюрократ — это социальная роль, которую играет и вынужден играть каждый участник государственной жизнедеятельности.

Заметим, что и в негосударственных учреждениях воспроизводятся те же структуры управления, порождающие бюрократию, как и в государственных, хотя они отлича-

ются формой собственности и могут сопровождаться более высокой оплатой, бонусами (премиями) и корпоративами (коллективными вечеринками), создающими иллюзию сближения руководства с персоналом. То есть формы собственности не меняют структуры управления.

Исполнение должности может быть различным — усердным, дотошным, старательным или безалаберным, равнодушным, пренебрежительным. При этом исполнитель может руководствоваться тремя основными ориентирами:

- быть лояльным; слово «лояльный» происходит от французского «loï», означающего «закон, законодательство», но в действительности может означать верность корпорации, т.е. соответствовать не только закону, но и правилу, инструкции, принятой в данной организации;
- следовать «распоряжениям свыше», от непосредственного начальства, по «личному указанию», приказу руководства;
- проявлять собственную личность в решении вопросов, при этом возможны самые разные формы — от участливости до хамства, от великодушия до вымогательства.

Всё это формы проявления бюрократии в разных её разновидностях (от «хорошей» до «плохой»).

Как видим, именно последняя форма проявления делает бюрократию либо обращённой к людям, либо отчуждённой от них, т.е. либо «плохой», либо «хорошей», если пренебречь суровостью или мягкостью законов и самодурством или либерализмом начальства. Чем меньше сила и влияние закона и чем меньше контролирует начальство текущие дела, тем большую свободу получает личная инициатива бюрократа. В наше время она приобрела во всех эшелонах власти небывалый размах и влияние. Четвёртая власть — это вовсе не власть СМИ, которую они себе приписали, — это личная власть бюрократа, казалось бы, исполнителя закона или чужой воли, какую бы должность он ни занимал. Это власть, отличная и от исполнительной власти, которая её породила, и от власти законодательной, которую она воспроизводит или имитирует в конкретной ситуации, и от власти судебной, на которую она опирается, в случае необходимости.

Кто становится бюрократом в глазах населения, если любой носитель должности является таковым? По-видимому, для этого надо обладать ещё одним свойством должности — «чином», отсюда слово «чиновник». Но чиновник — это просто человек, находящийся на государственной службе. Поэтому и отношение к нему «простолюдинов» (мещан, крестьян, купчишек) соответствующее, как к человеку, обладающему государственной властью. Отсюда обращение — господин. Но так было в дореволюционное время (до 1917 года).

В советское время это различие сменилось на отношение работников партийно-государственного аппарата, с одной стороны, и рабочих и крестьян, с другой. И хотя в советское время все были «обобществлены» словом «товарищ», но всегда сохранялось различие — к одним «товарищам» обращались на «вы», к другим — на «ты». А после революции 1991 года вновь вернулись «господа», но только по отношению к «властям имеющим» — политикам, бизнесменам, а также начальникам, желающим видеть услужливость подчинённых. Одним словом, «чинопочитание» проявилось в новом виде. Это и неудивительно — управление основано на субординации (подчинении) одних людей другим, что и отражается в языке.

* * *

Возникает вопрос, возможны ли изменения в бюрократических структурах, насколько они радикальны или бюрократия так же бессмертна, как и мафия. («Мафия», по-итальянски означает «семья», т.е. бюрократия также бессмертна, как и семья — основа общества). Здесь следует обратиться к психологической природе человека, основного элемента этих структур.

Прежде всего, возникает вопрос о творческом отношении человека к делу, о котором так много говорится в современных теориях организации. Возможно ли оно в бюрократических структурах или хотя бы в деятельности человека, выполняющего возложенные на него обязанности? На первый взгляд, одно исключает другое: бюрократ — это человек, по своему положению нарушающий правила. Но поскольку мы заявили, что, с од-

ной стороны, всякий человек, включённый в управленческую структуру, является бюрократом по положению, полномочиям и обязанностям, но с другой стороны — просто человеком, которому, изначально (если верить гуманистической психологии), от природы присуще творчество, так же, как птице летать, а рыбе плавать (А. Маслоу), то не следует удивляться, что и бюрократические структуры, включающие людей, претерпевают изменения в процессе существования. Им свойственны творческие изменения.

Здесь следует иметь в виду, что бюрократическое творчество бывает разным, конструктивным и деструктивным, то есть либо совершенствующим бюрократический аппарат, либо изменяющим или разрушающим его. Бюрократия, как и сопутствующая ей коррупция, — чрезвычайно живучий социальный феномен, переживший немало изменений в процессе своего развития в структурах государства. Однако если бюрократия развивалась в соответствии с гласным, известным разделением общественного труда, то коррупции, как теневому явлению, приходилось находить негласные формы в иных условиях. А это не могло не требовать от её участников изобретательности и творчества.

И конечно, никто не мог знать лучше слабые стороны системы управления и использовать это знание в своих целях, кроме самих исполнителей — чиновников. Это были и свои стратегии, методы, приёмы, технологии работы с посетителями, клиентами, пациентами, гражданами, студентами, школьниками — все они рождались в непосредственном контакте с «потребителем» и нигде не описывались. Конечно, эти новшества не были и не могли быть запатентованы, но в том, что они существовали, неявно передавались от поколения к поколению, вне образовательной системы (поскольку, как известно, «в школе не учат плохому»), и творились повсеместно, «на каждом рабочем месте», в процессе профессиональной деятельности, сомнения нет.

С появлением в нашей стране разделения разных форм собственности (федеральной, муниципальной, корпоративной, частной и пр.), стало ясно, что между ними не мо-

жет не возникнуть конкуренции за власть. А конкуренция предполагает противодействие, в том числе в области изучения и толкования законов. Поэтому едва ли не первыми дисциплинами, преподаваемыми в негосударственных структурах на «курсах и факультетах повышения квалификации» стали экономика и право, и особенно — способы уклонения от установленных государством налогов.

Созданные корпорациями собственные, автономные образовательные структуры должны были формировать в сотрудниках «лояльность» к корпорации, как отдельному социальному образованию, в том числе противостоящему государству. Именно здесь и замышлялись новые формы ухода от налогов, а по сути — новые формы коррупции, приобретшие тем самым цивилизованный вид.

* * *

Теперь несколько слов в защиту коррупции. Если явление существует так долго (с шумерской, древнеегипетской или китайской цивилизаций), то должен быть резон его существования и в наши дни. Он действительно есть. В народе известно изречение: «не подмажешь — не поедешь», оно относится не столько к телегам, сколько к канцелярскому делу, которое «скрипит без смазки», т.е. без дополнительных стимулов в той или иной форме. Чиновники выполняют, как правило, однообразную, рутинную работу, не приносящую радости, присущей творческой работе, поэтому интерес к работе проявляется только с появлением клиента с «подарком» или возможности «подзаработать» на нём. Г. Попов, будучи мэром Москвы, предлагал даже издать своего рода «ценник» коррупции на услуги, оказываемые администрацией. Его идея была встречена таким же общественным негодованием, как, в своё время, идея Фрейда о детской сексуальности. С тех пор детскую сексуальность признали, так следовало бы признать и коррупцию, как средство ускорения движения дела в условиях бюрократии. А поскольку бюрократия оказывается атрибутом государства, то пока живо государство, будет жить и бюрократия, а стало быть и коррупция, способствующая её функционированию.

Но как бороться с «раковой опухолью» коррупции, принявшей в нашей стране массовый характер? В наше время возникла идея транспарентности доходов и расходов чиновников. Оставим это решение на совести общества, которое должно освободиться от коррупции в избранной форме во всех сферах, чтобы продолжать жить дальше. Но пожелаем ему не переусердствовать, чтобы не было «скрипа» в бюрократических структурах, неизбежных в любом государстве. □